Г.В. Лысенко

ЦЕНТР И РЕГИОН: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Выделение региональных пространств сопряжено с трудностями, связанными с вычленением их специфичности, характеризующихся типами связей, отношений, определяемых как само пространство и его границы, так и отношения между регионами и государством в целом. Региональное пространство обладает относительной самостоятельностью, являясь элементом социального пространства – государства. Регион обладает своей внутренней структурой, ресурсами и логикой собственных изменений. Вместе с тем структура, ресурсы, динамика и направленность изменений зависят от внешнего фактора – отношений в системе «центр – регион».

Будучи открытой системой, регион «вплетен» в вертикальные и горизонтальные отношения, в первую очередь, с центром и другими регионами. В управленческом определении региона выделяют центр или ядро – столичный государственно-административный центр, и регион – как периферию. Процессы децентрализации – централизации, поиск новой модели взаимодействия центра и региона сопровождаются новым осмыслением региональной концепции и факторов, образующих регион как социоинженерную систему.

В пространственном определении региона выделяют центр, или ядро – столичный государственно-административный центр, и регион как периферию. В дихотомии «центр – регион» пространство взаимоотношений характеризуется разновекторной направленностью, различной степенью интенсивности и плотности социальных связей/сетей. Кроме того, центр является капиталом, во-первых, как сосредоточие социальных отношений, определяющих конфигурацию социального пространства и архитектонику социальных полей: политического, экономического, медийного; во-вторых, как место/территория проживания; в-третьих, как идеологическая конструкция, легитимирующая капитал центра.

Как справедливо отметил французский социолог П. Бурдье, «пространство, точнее, место и площади овеществленного социального пространства или присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью и своей ценностью тому, что они суть цели борьбы, происходящей в различных полях, – в той мере, в ка-

кой они обозначают или обеспечивают более или менее решительное преимущество в этой борьбе»[1]. Следовательно, центр выступает как значимая ценность для акторов, определяя статусы/позиции акторов в социальном пространстве, где капиталом, прежде всего, выступает «место». В соответствии со структуралистским конструктивизмом (П. Бурдье), центр и периферия социального пространства страны дистанцированы и объективно – формально (юридически) и фактически (территориально), и субъективно, конструируясь представлениями и практиками агентов.

Исследования классифицирующих характеристик деления физического пространства (территории) на центр и дистанцированную от него периферию, структурированность социального пространства региональными/локальными сообществами активно велись как зарубежными, так и отечественными учеными. В научной литературе исследовательская проблема представлена в двух направлениях: дихотомия «центр – регионы» и дихотомия «центр – периферия». Западные исследователи[2] в основном анализировали концепт «центр – периферия», наполняя его как объективным: пространство – территория, так и символическим содержанием: система ценностей, идеология, власть, как механизм номинации мира.

Работы отечественных авторов советского периода анализировали в основном территориальное устройство общества, соответственно рассматривали в основном дихотомию «центр – регион»[3]. Вместе с тем следует отметить интересные исследования отечественных ученых (С.И. Барзилов, В.Л. Каганский, А.Г. Чернышев)[4], которые в последнее десятилетие активно изучают российскую провинцию, в том числе дихотомию «центр – провинция».

---

[1] *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 42.

[2] *Shils E.* Center and Periphery. Essays in Macrosociology. Chicago, 1975; *Шилз Э.* Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 341–359; *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона, под ред. Е.С.Ерасова. М., 1999.

[3] См.: *Заславская Т.И.* Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск, 1983; *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика. М., 1978; Планирование территориального развития. М., 1984; *Хореев Б.С.* Территориальная организация общества (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М., 1981.

[4] См.: *Барзилов С., Чернышев А.* Политическая структура современной российской провинции. М., 1997; *Барзилов С.И., Чернышев А.Г.* Безумство власти. Провинциальная Россия: двадцать лет реформ. М., 2005; *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.

В рамках структурного функционализма[1] центр трактовался как совокупность «институтов (и ролей), которые осуществляют власть, будь то власть экономическая, правительственная, политическая, военная или культурная…». Институты оказывают влияние на периферию, которая рассматривается как объект власти центра. Э. Шилз подчеркивал, что центр или центральная зона не является геометрическим понятием, лишь относительно может считаться географическим, в большей степени это «зона культуры», которая локализуется в сети отношений. «Это центр системы символов, ценностей и верований, которые правят обществом». Благодаря задаваемой системе ценностей центр определяет внешне и внутренне ориентированные отношения, в том числе легитимизируя себя как центр[2]. Ценностно-смысловой центр выполняет адаптивную и защитную функцию культуры, ибо через него культура сохраняет свою идентичность, свои структурно-функциональные особенности.

Следовательно, центр – это особое символическое и организационное образование, определяющее символические, ценностные характеристики периферии[3]. Тем самым центр осуществляет контроль над регионами, которые в разной степени, в зависимости от ресурсов и пространственности, оказывают, хотя и гораздо меньшее, воздействие на центр.

Культурологическую характеристику центра, как «места» смыслообразования и смыслоупорядочения, предлагает Ю.М. Лотман, подчеркивая структурные функции языка. «Понятно, как важно наличие в центре системы культуры такого мощного источника структурности, как язык»[4]. На основании этой роли языка Ю.М. Лотман делает вывод, что язык как элемент культуры, определяемой центром, детерминирует культурное пространство – время.

Таким образом, проблематику центра – периферии можно трактовать в понятиях преимущественно ценностно-смыслового аспекта. Используя культурную систему, центр выстраивает иерархические отношения с провинцией, регионами. Направленность информационных потоков определяется социальной иерархической структурой, конструирование и трансляция информации находится под контролем, и порождения новых смыслов или нового знания не происходит.

---

[1] См.: *Шилз Э.* Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 348–349.

[2] *Shils E.* Center and Periphery: Essays in Macrosociology. P. 79.

[3] См.: *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное исследование цивилизаций. М., 1999. С. 134–142, 324–329.

[4] *Лотман Ю.М.* О семиотическом механизме культуры // Избранные статьи в 3 т. Т. 3. Таллин, 1993. С. 328.

Вместе с тем восприятие ценностно-смысловой информации в отношениях центр – регион определяется несколькими параметрами. Отметим наиболее значимые в контексте данного исследования: ресурсную и пространственную составляющие. Прежде всего, центр должен обладать достаточным объемом капиталов и соответствующей их конфигурацией, дополняя экономическое и финансовое влияние на регионы, символической и идеологической составляющей. В этом случае региональные сообщества будут воспринимать центр как легитимный источник власти, определяющий стиль жизни, убеждения и модели поведения. Недостаточный объем ресурсов определяет противоречивый характер отношений центра и регионов, тенденцией которого становится стремление регионов к пересмотру сложившихся отношений, желание изменить соотношение ресурсов. Двойственность и подвижность отношений может выражаться в стремлении периферии заменить центр или отделиться от него.

Дихотомия «центр – регион» изменяет свое содержание в конце 50-х гг., поскольку в западных странах наметилась тенденция передачи полномочий регионам. Этот процесс определялся как необходимостью преодоления дихотомии центра и регионов (периферии), так и стремлением придать последним импульсы динамического развития. В связи с этим ученым предстояло наполнить новым содержанием понятие «центр–регион».

В концепции С. Роккана[1] представлены два типа центров: моноцефальные и полицефальные структуры. Моноцефальность характеризует структуры, где существует явное преобладание только одного региона, или даже только одного города в политике, культуре и экономике. В моноцефальной модели центр определен как привилегированное место в социальном пространстве, в котором сосредоточены административные, экономические и культурные ресурсы. Владение ресурсами и контроль за сделками определяет доминирующее положение центра над периферией, которая контролирует, в лучшем случае, только свои ресурсы, она изолирована от всех других регионов, кроме центрального, ее культура малозначима, фрагментарна и ограничена, периферия политически не преобладает на определенной территории.

Полицефальность обозначает более ровное и обширное распределение характеристик и функций центра относительно территории, власть на которой благодаря городам пространственно несосредоточена.

[1] См.: *Ларсен Ст.* Моделирование Европы в логике Роккана // Политические исследования. 1995. № 1. С. 39–57; *Роккан Ст., Урвин Д.В.* Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. № 6 (40). С. 117–131.

Мозаичный культурный ландшафт современных западных стран формирует новые представления о взаимодействиях центра и периферии. Лидеры постмодернизма Ж. Делез и Ф. Гваттари предложили концепцию ризоматичности реальности и описывающего ее текста/пространства, делая акцент на неупорядоченности, множественности и хаотичности этой модели. В исследовании «Ризома» Ж. Делеза и Ф.Гваттари пространство рассосредотачивается, а «образ ризомы идеально воспроизводит как бы ненапряженное и «отдыхающее» пространство»; пространство, которое не стремится центрироваться, дифференцироваться или автоматически иерархизироваться. Это принципиально важный пример пространства ацентричного и неиерархизированного, чья самоорганизация заключается в отсутствии организации. Уподобление географического пространства ризоме позволяет избежать возможных философских натяжек, которые связаны с целенаправленными интерпретациями явлений, обладающих явными или четко выраженными территориальными структурами[1].

Метафора ризомы наполняет новым смыслом сетевую характеристику пространства. В этом смысле сети отношений могут определяться как комплексные каналы коммуникации, передаваемая по ним информация более открыта и разнообразна – ведь здесь производятся и обсуждаются новые смыслы и новые связи.[2]

Данные типы аналитических конструкций вертикальных и горизонтальных связей представлены схемами в работах Ё. Банго[3], который, исследуя пространство в рамках концепции аутопойесиса Н. Лумана, представляет систему отношений «центр – регион», пытаясь «отнять у понятия центра иерархическую четкость, а у понятия региона – территориальную ограниченность». Его видение системы взаимоотношений «центр – регион» представлено тремя моделями. Данные модели позволяют выявить степень автономии региона в системе власти. В первой модели центр является ядром системы, представленным столичным государственно-административным центром, в котором сосредоточены все виды капитала, что обеспечивает контроль центра за регионами. Вертикальные связи центра и регионов носят однонаправленный характер. Во второй модели центр выстраивает систему отношений с регионами, ориентируясь

[1] *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // http:www.ruthenia.ru/ logos/ number/logos_net.htm.

[2] *Пауэлл, У. Смит-Дор Л.* Сети и хозяйственная жизнь / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 73.

[3] Role and Function of Regional Differences in the Word Society from the Point of View of Modern Luhmannian Systems Theory. («Socio-region» as proposed correction) // http://jesz.ajk.elte.hu/bango22.html 14.09.2006.

на обратную связь. Тем самым за регионами признается определенная субъектность и возможность влияния на процесс принятия решений. Третья модель эпохи постмодернизма представляет регионы как сеть взаимосвязанных, взаимообуславливающих, взаимоперекрещивающихся полей, капиталы которых обеспечивают устойчиво воспроизводимые горизонтальные связи.

Используя данные конструкции, можно отметить моноцентричность отношений, которые характерны не только для нашей страны в целом, но является преобладающей в регионах, с единственным городом – административным центром, в котором сосредоточена значительная часть региональных ресурсов, а также для локального уровня. Тем самым «пространственная ткань», основывающаяся на вертикальных связях, не является прочной, порождает непонимание и, соответственно, возможный разрыв коммуникаций. При административном характере территориального деления, вся государственная территория рассматривается как единый объект управления государственной администрацией, а выделение тех или иных территориальных единиц служит, прежде всего, задаче упорядочивания единого хозяйства.

Моноцентричность усиливает капитализацию пространства, центр, сосредоточивая различные виды капитала, порождает непринятие себя как центра управленческих воздействий. О существовании непринятия Москвы как центра страны свидетельствуют данные социологических исследований. В августе 2006 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения провел опрос на тему «Россияне о москвичах»[1]. Согласно полученным результатам, россияне выразили негативное отношение к собственной столице и москвичам, сильную неприязнь испытывают 30% опрошенных, еще 63% заявили о своей простой неприязни. Следовательно, большинство участников опроса, проживающих в регионах, не испытывают добрых чувств по отношению к центру страны. Значительное количество опрошенных полагает, что уровень благосостояния определяется все-таки не талантами и усилиями, а местом проживания. Большинство (62%) респондентов считают, что обеспечить себе и своей семье достойный уровень материального положения в Москве проще, нежели в провинции.

Действительно, по данным Госстата на июнь 2006 г., самый обеспеченный регион – Москва, где средний доход составляет 31 600 руб., а в целом по стране от 6 до 10 тыс. руб.[2] Здесь проще получить хоро-

[1] Было опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

[2] См.: http://www.svobodanews.ru/Transcript/2006/09/06/20060906120027223.html.

шее образование (56%), найти работу (55%), пробиться во власть (50%), насыщенно проводить досуг (43%), открыть собственный бизнес (35%). Причиной благоприятных условий жизни москвичей большинство опрошенных (50%) назвали столичный статус, то есть концентрация в Москве властных функций, 38% полагают, что такое положение открывает широкие возможности для заработков, а 32% указали на то, что Москва «пожирает» налоговые поступления из регионов. Оправданной при определении взаимодействия центра и региона является метафора «мексиканизация», означающая радикальный разрыв между столицей и провинцией, приводя к расколу социального пространства по территориальному признаку.

Территориальный разрыв проявляется на структурном уровне взаимодействий власти и населения. Качество этого взаимодействия выявляется через уровень легитимности власти, степень доверия граждан в законность структуры властных органов и правовых норм, на основе которых функционирует власть. Вместе с тем результаты опросов свидетельствуют, что непрозрачность федеральных органов власти порождает незнание. По мнению респондентов, «люди не могут ничего сказать о том, что делают власти» (43,0%), а сами «действия властей так запутаны, что они не в состоянии понять, что происходит» (53,9%). Незнание и непонимание приводит к выводу, что «власти мало заботятся о простых гражданах» (78,8%), а рычагов влияния на решения властей у населения, по мнению участников опроса, нет (69%).

Несмотря на высокую оценку усилий федеральных институтов по конструированию вертикали власти, обеспечивающей устойчивость моноцентристской конструкции, как население, так и экспертная группа, представляющая чиновников, единодушны в главных оценках: вертикаль пытаются создать, но пока она недостаточно эффективна. Так считают 59,5% опрошенного населения и 70,4% представителей респондентов-чиновников. Полагают, что эффективная вертикаль власти уже создана, лишь 6,3% населения и 15,6% «бюрократов»; несколько больше тех, кто уверен, что единую вертикаль власти и не начинали строить, пока она существует только на бумаге – 32,8% населения и 14,0% чиновников. Соответствующие изменения принципов и норм формирования органов власти в регионе, а также отношение к существующим непрозрачным структурам власти, деятельность которых не ориентирована на удовлетворение потребностей населения, порождает нелегитимность существующих властных структур.

Таким образом, при анализе системы отношений «центр – регион» основными показателями были уровни легитимности идеологических конструктов, продуцируемых центром, федеральных структур

власти и восприятия субъектов публичной власти (персоналистский уровень легитимности). Результаты опросов свидетельствуют о проблемном характере поля отношений «центр – регион» и соответственно низкий уровень доверия затрудняет коммуникативные связи.

Результаты социологического исследования свидетельствуют, что место проживания (пространство) является капиталом, конвертируемым в различные виды капиталов: экономический, социальный, политический, а также символический. Сосредоточение этих видов порождает устойчиво воспроизводимые образы «сытой» Москвы, не знающей провинции, и уничижительное отношение к провинции как чему-то менее значимому, второстепенному, являющейся ее ресурсным потенциалом. «Центр» отличается образом и стилем жизни, состоянием сознания от провинции.

Отсутствие единой картины мира у элиты и населения регионов может выразиться в полном непринятии идеологической картины мира правящей элиты, которая, по мнению почти половины россиян (49,9%), «погрязла» в коррупции и поэтому рассматривается как главный «механизм торможения», препятствующий выходу России на траекторию устойчивого развития1515 См.: Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов. Аналитический доклад Института социологии РАН. Центр комплексных социальных исследований. М., 2005. Опрос по теме «Бюрократия и власть в новой России», проведен в июле 2005 г., в нем приняли участие 1500 респондентов 58 поселений страны, представляющие 11 социальных групп населения.

Такой образ, сложившийся у населения по отношению к политической элите, продуцирует конфликтогенность отношений, создает непонимание и препятствует осуществлению эффективных коммуникаций, осложняя процесс создания и освоения национальной идеи, национальной идеологии, которая должна «обогатить» выстроенную вертикаль власти.

Вместе с тем идеологические конструкции «законности и порядка» (69,1%) и «возрождение России как великой державы» (61,9%) коррелируют, как показало исследование[1], с конструктами в общественном мнении жителей региона. Различия систем ценностей и убеждений определяют специфику коммуникаций в системе «центр – регион», уменьшая степень легитимности федеральной элиты на право номинации мира и символическое насилие.

[1] См.: Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов. Аналитический доклад Института социологии РАН. Центр комплексных социальных исследований. М., 2005. Опрос по теме «Бюрократия и власть в новой России», проведен в июле 2005 г., в нем приняли участие 1500 респондентов 58 поселений страны, представляющие 11 социальных групп населения.

Такая ситуация недоверия отражается и на массмедиа как каналах трансляции символики «коллективной идентичности», направленной на формирование коллективных целей. Федеральные массмедиа, конструирующие доминирующие дискурсы, маркируют регионы как провинции, событийный контекст которых скорее негативен, чем позитивен. Региональные массмедиа, признавая провинциальность, воспроизводят маркеры не только позитивной, но и негативной идентичности регионального сообщества.

Таким образом, анализ пространственных отношений «центр – регион» выявляет их противоречивый характер. Москва как центр, сосредоточивая все виды капитала, с одной стороны, обладает притягательностью, с другой – конструирует образ негативно воспринимаемого пространства-места.

[1] Опрос проведен преподавателями кафедры социологии управления ВАГС под руководством автора статьи в марте – апреле 2006 г., выборка квотная, репрезентирующая взрослое (в возрасте 18 лет и старше) население региона по значимым характеристикам (пол, возраст, образование, тип места проживания). Общий расчетный объем выборки составлял 600 респондентов.